

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Элементарно, Холмс!

23 апреля 20... года, в 8.30 утра Егор Белоусов, отставной следователь Бабушкинского РОВД, явился на работу в детективное агентство «НЮХ».

Ему было назначено на 9. 00, но Егор привык вставать рано. Заняться было нечем, и он решил прийти пораньше, чтобы понаблюдать за людьми, мелькавшими у его нового места. Одним своим видом они сказали бы ему больше, чем любое резюме.

Пока он знал о своей новой работе только то, что:

— ею руководит некий Н. Ю. Халявко, кандидат юридических наук;

— после года подработок и безденежья ему вдруг с бухты-баракты позвонили и предложили место в «НЮХе»;

— сайт «НЮХа» ничем не хуже других сайтов, если судить по рекламным закидонам.

Поиск Н. Ю. Халявко в гугле, яндексе и других виртуальных местах ничего не дал. Это могло значить что угодно — например, то, что Н. Ю. Халявко еще не успел ничем прославиться, даже своей диссертацией. Последнюю Егору было лень искать.

Подходя к «НЮХу», он увидел пушистую макушку, подпрыгивающую над спинкой скамейки.

Макушка принадлежала девчонке, которая играла на планшете в какую-то игру.

Ухмыльнувшись, Егор сел напротив.

Девчонка вряд ли имела какое-то отношение к его работе, но на нее было так приятно смотреть, что Егор не отказал себе в этом удовольствии. Щеки у нее были красные, уши еще краснее, волосы растрепались, глаза горели, как у кошки на охоте, и вся она была, как взбудораженный весенний воробей.

С виду ей было лет двадцать или меньше. Она была из тех, кого, когда хотят похвалить, называют «лапочкой», а когда хотят обругать — «серой мышкой»: с хорошеньким лицом и глазами, но без претензий быть женщиной. Одета она была совершенно по-мальчишески, короткие пепельные волосы лохматились как попало, на лице не было ни капли макияжа. Впрочем, краски, которыми ее накрашили весна и азарт, были в тыщу раз лучше любой косметики.

Какое-то время она стучала пальцами по дисплею, шевеля губами. Потом причмокнула и заулыбалась, торжествуя глядя на свою железяку. Тут же, как по волшебству, из-за тучи выползло солнце, и мокрый асфальт засверкал, как ее глаза.

— Кто победил? — громко спросил Егор.

Глаза забегали по скверу, пытаясь понять, кто, кроме них, может существовать в этом мире. Затем остановились на Егоре.

— Как кто? Дружба, конечно, — сказала девушка, помолчав.

Голосок у нее, против ожидания, был хриплый, почти мальчишеский.

— Однако, — хмыкнул Егор.

— Что?

— Откровенно говоря, я думал, ты дурочка. Но твой ответ показал обратное.

— Серьезно? А что вы еще обо мне думали?

— Ну... что, рассказывать?

— Валяйте.

— В самом деле?

— В самом.

Вообще-то это было неправильно. Но солнце светило так ярко, а девчонкины щеки сияли еще ярче, не говоря о глазах...

— Уговорила. Ты... из небогатой, пожалуй, даже бедной семьи — не обиделась?... но уже довольно давно пробиваешься в этой жизни. Не настолько, правда, чтобы пуститься во все тяжкие, как это делают почти все. Ты живешь одна, без родителей, без мужчины. Детей у тебя, разумеется, нет, и ты даже толком не представляешь себе, что это такое. У тебя дома кошка... нет, две. Впрочем, вторая скорее живет в квартире, где ты была недавно. А именно — вчера вечером. Ты человек крайне увлеченный и, соответственно, неаккуратный, хоть и уверена, будто делаешь все для того, чтобы мир думал наоборот... Продолжать?

Глаза сияли, как два прожектора.

— Как вы узнали? — спросила она, хрипя от волнения. — Вы что, следите за мной? Или вы Шерлок Холмс?

— Так меня звали в ментовке, когда я там работал.

— Работали? Уже не работаете? Почему?

— Скучная история. У нас с начальством был, как это сказать... разный взгляд на некоторые вещи.

— А... эээ... Ну хорошо, — девушка тряхнула головой. — Про кошек, допустим, понятно: одна шерсть, другая... Но как вы узнали, что вчера вечером? И что не у меня?

— Элементарно, Ватсон. Вряд ли ты, с твоим образом жизни, потянешь двух кошек. Одну — еще ладно, это святое. Твоя — короткошерстная и вредная, как крокодил, а у подруги... да? — у подруги кто-то элитный и пушистый, вроде перса. Если бы наоборот — на тебе было бы вдвое больше пуха. Тем не менее его достаточно для того, чтобы это было не ранее вчерашнего вечера. Сегодня ты вряд ли успела бы в такую рань зайти к подруге и вывозиться в ее коте. Ты ровно настолько не неряха, чтобы перед выходом в люди зачистить грязные пятна на штанах, но не настолько, чтобы выскрести их нафиг. Не говоря о кошачьей шерсти. Девушка смотрела на него с открытым ртом.

— Обалдеть, — сказала она. — Как все просто. Ну, а почему я одна пробиваюсь в этой жизни?

— Это еще проще. Богатые одеваются иначе — и когда живут с родителями, и когда живут сами. Бедные, когда живут с родителями, тоже одеваются иначе. Девушку такого типа, как ты, мама наверняка кутала бы во что-нибудь традиционное, благородное, а ля Аристократка Духа. На бунтарку ты не похожа: так не бунтуют. Срезала нафиг свои красивые волосы... а почему? Потому что так удобнее. Затусевать в себе женщину до такой степени можно только в двух случаях: или если ты давно замужем и вся с головой в кухне и детях, или если тебе наплевать на мужское внимание. А почему наплевать? Потому что ты человек увлеченный. Твоя жизнь и так полна до краев. Скорей всего, ты из провинции, но в Москве уже несколько лет. Поступила в вуз, устроилась на работу...

— Круто. Продолжайте.

— Уверена?

— Конечно. Вскройте всю мою подноготную.

— Ладно. Ты наверняка влюблялась, но об этом не знал никто, кроме тебя. Да, и ты девственница.

— Ого! Почему это?

— Тебе лучше знать. Как тебя зовут-то?

— Угадайте.

— Я не гадалка. Мысли читать не умею. Так как?

— А вас?

— Я первый спросил.

— А я вторая. И я дама. Кто должен представляться?

— Ладно, твоя взяла. Егор Белоусов, старший лейтенант в отставке. Теперь ты... постой. Думаю, вряд ли тебя называют каким-нибудь обычным именем — Маша, Даша и тэ дэ.

Наверно, какое-нить милое уменьшительное? Ну?

— А говорите, не умеете угадывать... Меня обычно зовут Тасей, а некоторые — Сясей. Так я себя звала в детстве.

— Что ж, Сяся. Несмотря на все твои старания, ты настоящая красавица, хоть сама, кажется, еще не поняла это. Приятно было познакомиться... ёлы-палы! Без трех девять! Ни разу в жизни не опаздывал...

— Ого! Это комплимент мне?

— Да, судя по всему... Прощай, Сяся!

— Вы в «НЮХ»? — кинула она вдогонку.

— Почему ты решила? — обернулся к ней Егор.

— Элементарно, Холмс. Бывший сыщик идет в детективное агенство...

— А вдруг он идет в... — Егор окинул взглядом коллекцию вывесок над входом, — в риэлторскую контору «Дуров, Умницкий & Со?»

— Нееее... Исключения и случайности бывают редко, их рассматриваем в последнюю очередь...

«Ишь ты какая» — думал Егор, взбегая на третий этаж.

Сама того не зная, Сяся сформулировала главный его метод, который еще ни разу не подводил Егора.

— Очень приятно, Егор Дмитриевич, — говорила ему полненькая блондинка в оглоблях. — Рада приветствовать вас на новом месте. Вас уже ожидает ваш первый клиент.

— Ого, — сказал Егор. — Польщен. Простите, а...

— Да?

— Вы и есть Н. Ю. Халявко?

— Нет, я секретарь шефа. Меня зовут Любовь Феокистовна.

— Я могу увидеть шефа?

— Сейчас нет, но рано или поздно это обязательно произойдет. Пройдемте!

Клиент был благообразным снобом в очках. Когда Егор вошел, тот выключил смартфон, но Егор успел заметить кусок видео — какую-то БДСМ-сцену с голой девкой, покрытой кровью и синяками.

— Добрый день, — величественно поздоровался клиент с Егором. — Вы заставили себя ждать. Но это неважно. Дело, которое я хочу предложить вам, весьма непростое и, скажем так, деликатное. Речь идет о похищении, эээ... одной вещи. Вещь эта чрезвычайно ценна и, скажем так, секретна. Настолько секретна, что я обращаюсь не в милиц... пardon, в полицию — никак не могу привыкнуть, — а к вам. Понимаете? Тем более, что вещь эта — не частного, а скорей общественного характера, и ценность имеет, скажем так, не только частную, но и

общественную, даже общечеловеческую... Понимаете?

Егор молчал, изучая его взглядом. Потом сказал:

— Нет.

— Что «нет»?

— Не понимаю.

— Я не могу вам рассказать больше.

— Если вы скажете своей лаборантке — «нахимичь мне чего-нить эдакого к утру, да смотри, чтобы получилось так, как я хочу, не то уволю» — она не смотрит на вас, как на идиота?

— Какая лаборантка? Что вы себе позволяете? Почему вы решили, что я имею... эээ... отношение к науке?

— Вы — крупная научная шишка в институте, который находится на правительственной дотации. Руководите секретными исследованиями. Они не связаны с оружием, скорее что-нибудь химико-медицинское. У вас украли готовый продукт исследования. Вы боитесь признаться вашим патронам; с другой стороны, продукт надо искать, иначе каюк. В полицию низя. Привлечь спецслужбы — значит расписаться в собственном лохизме. И вы цепляетесь за соломинку: идете в сыскное агентство, причем в свеженькое — народ нераскрученный, работает на зачетку. Меньше шансов, что сольют. Но соломинка оборвется, если вы не расскажете мне все, что знаете сами.

— Кто вам рассказал?!

— Вы.

— Когда?!

— Только что. Прямо сейчас и прямо здесь. Итак?

Клиент вздохнул...

— Ждите здесь, я подгоню машину, — сказал он, когда они вышли на улицу. Его звали Григорием Игнатовичем.

Егор потянулся, выгнув спину. Потом глянул на ту самую лавочку.

На ней по-прежнему сидела Тася. И смотрела на него.

— Ну как? Получили задание? — крикнула она.

Егор подошел к ней.

— Какое задание?

— Ой, ну только не надо. Мы все еще играем в эту игру, что вы из риэлторской конторы, да? У вас взгляд, как у кота в засаде, и усы дрожат.

— Усы? У меня нет усов, — сказал Егор, проводя пальцем по верхней губе.

— Неважно. Все равно дрожат... А хотите, я с вами?

— Что?

— Возьмите меня с собой. Пожаааалуйста!

— Тася, ты что? Это не игрушки.

— Знаю. Ну пожааалуйста! Каждому Шерлоку Холмсу нужен доктор Ватсон. У вас есть доктор Ватсон? Нету! Вакансия свободна! Ну вот, а я забиваю ее.

— Нет, — сказал Егор, взяв себя в руки. — Знаешь, Сяся... Ты мне очень нравишься. Seriously. Ты красивая. Красивая и умная, я даже не ожидал. Но... Ты же умная, и сама все понимаешь.

— Да, — сказала Сяся. Голос ее упал, как у ребенка. — Так что? Значит, не увидимся больше? Егору вдруг очень не понравилась эта мысль.

Вздыхнув, он достал свою визитку.

— Звони вечером, — сказал он. — Не факт, что отвечу, но не потому, что плохой, а потому, что... Риэлторы — они такие. Сама знаешь.

— Ага, — просияла Сяся. — Еще как знаю.

Рядом просигналил клаксон.

— Ладно. Пока, Сяся! — Егор махнул ей и сел в черный лэндровер, подъехавший к скверу.

— Еще раз: пока вы подробно не опишите мне, что за вещь мы ищем, я не шевельну и пальцем.

— Поймите: проект секретный, и... Я даже не уверен, что вы поймете. Это сугубо научная разработка, и... — говорил молодой бородач-ученый, глядя себе в ноги.

— Понимать — мое дело. А ваше — помогать следствию. Или мешать ему. В зависимости от того, что вам нужно, — отвечал Егор.

— Ээээ... Ок. Я... даже не знаю, с чего начать.

— С главного.

— Ок. Этот проект имеет... имеет колоссальную важность для человечества. Да, да, — Саня взял тоном выше, увидев, как Егоровы брови поползли вверх. — Он еще не закончен, но... уже понятно, что это из величайших открытий в медицине, в биологии, в генетике, да во всем комплексе наук, связанных с органикой. В медицине это революция, сопоставимая... нет, превосходящая открытие антибиотика.

— И что эта штукавина умеет?

— Речь идет о...

— Саня! — окрикнул его Григорий Игнатьевич.

— Ну, я пошел, — Егор развернулся к выходу. — Всем пока.

— Подождите!... Григорий Игнатьич, ну... ну как же... Речь идет о регенерации белка. Мы разработали технологию, по которой белок восстанавливает сам себя, если организм жив, конечно. Белок считывает информацию из генов и реконструирует все разрушенные структуры, причем в считанные минуты! Эта функция проявляется в способности к заживлению, но мы научились форсировать ее в тысячи, в десятки тысяч раз! Мы научились высвободить скрытые силы организма...

— Если я правильно понял, ваша штука позволяет человеку отрастить отрезанную руку так, как ящерица отращивает оторванный хвост, только гораздо быстрее?

Саня просиял.

— Именно! Причем не просто быстрее, а с высочайшей точностью. Это похоже на восстановление системы в компьютере. На молекулярном уровне записываются данные о текущем состоянии организма — нечто вроде точек восстановления. Они считываются, и по ним организм самовосстанавливается именно в таком виде, в каком был на момент создания точки восстановления. С точностью до молекулы. И, прошу заметить, все это запускается обыкновенной аккумуляторной батареей в 4000 мА.

Егор молчал. Потом сказал:

— Да. Нехило.

— Но... понимаете... — сказал Саня. — Проект еще не закончен. Впереди — годы тестирования. Мы еще не пробовали его на людях. В некоторых опытах процесс давал странные аномалии... Короче, трудно даже представить, что будет, если он попадет в чужие руки.

— Уже попал, — мрачно заметил Григорий Игнатович.

— Мутанты, атака клонов и все такое? — спросил Егор.

Саня нервно хихикнул.

— Ну что ж. Перейдем к осмотру места преступления, — сказал Егор. — Рассказывайте, как, когда и при каких обстоятельствах пропал ваш отращиватель хвостов...

В десятый раз расспросив всех, он откинулся в кресле и закрыл глаза.

Саня, Паша и Григорий Игнатович молча наблюдали за ним.

— Что-то не так? — робко спросил Паша.

— Да. Не так, — сказал Егор, приоткрыв один глаз. — Итого: позавчера ночью в институт ворвались трое в масках. Повязав охрану, они проникли в опечатанную лабораторию, взяли прибор, который мило лежал себе в обычном советском шкафу... нет, ну что это у вас нахер за секретный институт, а?... Взяли. Оставили кучу следов, прямо-таки кричащих, что они из «Аль-Газавата», чеченской группировки, которая распоясалась в последнее время. Оставили бы уже, в самом деле, визитку с адресом и телефонами. И при этом, насколько могу судить, ни одного отпечатка. Впрочем, это мы сегодня проверим... Но не это меня смущает.

— А что? — спросил Саня после паузы.

— Скажите, в институте есть коты?

— Коты?! — Саня с Пашей были искренне удивлены. — Конечно, нет. Это невозможно. Наши исследования требуют высокого уровня гигиены, и...

— А у дамской части? Знаете, как бывает: найдет тетя Дуся котенка на морозе, дома следить некому, вот и...

— Нет. Исключено.

— А дома? У кого-то из вас или ваших коллег?

— Не знаю. Трудно сказать...

— Ладно. — Егор поднялся.

Вслед за ним, как по команде, поднялись и остальные.

— Пойдемте-ка к вашим секретным компьютерам. Мне нужен полный список ваших сотрудников. Максимально полный, включая тетю Дусю и монтера Васю, сколько бы их у вас ни было.

— Это невоз... — начал было Саня, но осекся, встретив взгляд Григория Игнатовича.

Вечером позвонила Тася.

— Привет, доктор Ватсон, — сказал ей Егор. — У меня неожиданное предложение. Холмс так соскучился, что предлагает тебе отужинать с ним в небольшом, но уютном подвальчике. Как насчет?..

Она пришла все в том же наряде.

— Нет, ну это уже свинство, — ворчал Егор, снимая с нее куртку. — Хоть бы для приличия показала, как тебе хочется покрасоваться передо мной.

— А я хотела! Я просто не успела! — оправдывалась Тася.

— Вот у Таси сколько дела! Она ела, чай пила...

— Будете издеваться — вообще все сниму.

— Я не против. Где начнем? Прямо здесь?

— Сдаюсь. Ваша взяла.

— Спорим, у тебя и нет подходящего наряда. Ты даже думала, не одолжить ли у кого. Но

потом решила, что и так сойдет, — говорил Егор, усаживая Тасю за столик.

— Точно! Как вы узнали?

— Элементарно, Ватсон. Ты позвонила мне в полшестого. Если бы ты поехала переодеваться — ты или не звонила бы так рано, или попросилась бы на попозже. А то, как ты стеснялась своего наряда...

— Я думала поискать тряпочку, это правда. Но когда узнала, что вы свободны, не выдержала и рванула к вам на всех парах. Это же так интересно — ужин с Шерлоком Холмсом! Вы расскажете мне про всякие запутанные дела, да?

— Куда я денусь...

Тася, не отрываясь, глядела на него своими блестящими глазами. Потягивая вино, Егор излагал ей самые эффектные свои истории, незаметно вплетая в них вопросы:

— Она была из ученой братии... кстати, ты ведь тоже вертишься где-то около науки? Работа у тебя сидячая, компьютерная. Язык подвешен хорошо, хоть ты и стесняшка...

— Почти, — отвечала Тася. — Юрфак. Тоже в своем роде наука...

— О! Так мы коллеги? Двоюродные, так сказать?

Когда все было съедено и выпито, Егор предложил ей прогуляться.

— Можем и зайти ко мне, — сказал он между прочим, будто в этом не было ничего особенного.

— А что у вас? — спросила Тася.

— У нас? У нас я. И чай. И вино.

— Вино? Эээ...

— Ну, не стесняйся уже! Говори, что хочешь сказать. Или я скажу это за тебя.

— Валяйте.

— Валяю. Ты хочешь спросить, собираюсь ли я тебя трахнуть, и не знаешь, как это облечь в вежливую форму. Да?

— Ну... эээ... в общем, да.

— Отвечаю: да. Собираюсь.

Тася закашлялась.

— Конечно, с обоюдного согласия. Давай откровенно: ты думала об этом, когда шла ко мне. Не надо подтверждать или опровергать: будем считать, что это сказал я, а ты воздержалась от ответа. Правильно?

— Я... я воздержалась от ответа.

— Ну вот и славно. А теперь, — Егор присел на лавочку и взял Тасю за плечи, — а теперь смотри. Ты девственница. Я предлагаю тебе перестать ей быть. С моей помощью. Гарантирую, что со мной это будет приятней, чем с кем угодно. Ну как?

— Нет, — сказала Тася, отходя назад.

— Я не настаиваю. Я просто нагло рекламирую себя. Ты мне нравишься, Сяся-Тася. Думаю, ты многим нравишься, просто они стесняются это показать. Как и ты стесняешься показать, что ты женщина. Порочный круг. Предлагаю разорвать его.

— А как же любовь до гроба, единение душ и тел, и все такое? — спросила Тася. От волнения она снова охрипла.

— Ну, я тебе, как минимум, нравлюсь. Вероятность, что тот, кто тебя трахнет, понравится больше, невелика. А вероятность, что этот кто-то умеет трахаться, как я, приближается к нулю. Чем больше параметров — тем меньше вероятность. Все это ты хорошо знаешь.

Обещаю — будет приятно...

— Нет, — почти крикнула Тася и отошла еще дальше.

— Нет так нет. Я не настаиваю.

Воцарилась тишина. Егор, не отрываясь, глядел на Тасю.

— И... что, мне уходить? — спросила она.

— Как хочешь. Я не гоню тебя. Мне с тобой хорошо.

— Я лучше пойду.

— Жаль. Ну что ж, Тася... Надеюсь, еще увидимся.

— Вы проводите меня?

— Зачем? Ты же хочешь убежать?

Она молчала, не двигаясь с места.

Потом спросила:

— У вас было много девушек?

— Много.

— Я буду очередной победой?

— Только если захочешь.

— А... а...

— Ну не надо дрожать, — говорил Егор, обняв ее за талию. — Мы же трахаться идем.

Понимаешь, траааахаться!... Вот представь: все то, что ты видела и думала об этом — сейчас все это станет реальностью. Сейчас все это будет с тобой. Ты будешь голая, совсем голая, без трусов и без лифчика, а я, совершенно незнакомый тебе мужик, буду облизывать тебя, как шоколадку, буду мучить тебе твои взрослые сиси, трогать тебя в запретных местах, раздвигать лепестки твоей драгоценной писюльки, которая будет течь сладким соусом, как торт «Наполеон»... Буду целовать тебя прямо в клитор, а ты будешь хрюкать и пищать, как маленькая, потому что это очень, ну очень приятно — когда тебя целуют в клитор, и он тает от кайфа, как леденец... Раздвинешь свои ножки и отдашь мне себя, а сама будешь подыхать от стыда. Ведь это ужжжжасно стыдно — когда ты совершенно голая, и незнакомый мужик ебет тебя, как свою собственность...

— Кошмар какой, — стонала Тася. — Вы меня так зажмете всю...

— Нифига подобного. Ровно наоборот: от ужаса ты так возбудилась, что тебе стыдно за саму себя. Смотри, — говорил Егор, проникая ей под брюки. — Какая липкая...

Они уже входили в дом. В полумраке лифта Егор щупал намокшие Тасины трусы, а та сопела, как паровозик, боясь подать голос. В квартиру она вошла полуголой, с сосками, торчащими вперед, как пики. Егор отшвырнул тряпки и быстро стащил с Таси все, что на ней оставалось.

— В душ, — сказал он, быстро раздеваясь.

— Естественно, — хрипела Тася, обомлевшая от страха.

— Нет, ты не поняла. Вместе.

В ванной он намылил ее с ног до головы и ласкал сквозь пену, застыдив до алых ушей. Тася была немножко полненькой — не толстой, а пухлой, как плюшка, с мягкими руками и плечами, с большими висячими грудями, белыми, интимно-стыдными, будто их подсмотрели в щелку. По обильным соскам, по всей бело-розовой, пухлой Тасиной плоти почему-то было видно, что она не привыкла к взглядам, и они колят ее, как иглы.

Егор говорил ей:

— Это твой праздник, праздник твоего вкусного розового тела. Видишь, как он хочет тебя? — спрашивал он, тыкаясь в нее членом, здоровенным, как колбаса. — Но это потом. Сейчас — вот так, и вот тааак... — приговаривал он и по-хозяйски мял ее, как большую игрушку, а она молча сопела, глядя на него большими обалдевшими глазами. Потом она кричала, когда он пытал ей соски, направив на них острые струи душа, и сворачивалась червячком, и хныкала от стыда; и шла потом, блестя капельками, за ним в комнату, где должно было случиться главное...

В постели он долго, со вкусом целовал ее везде, куда забирались губы. Тасе было стыдно и хорошо. Она улыбалась в потолок и удивленно, недоверчиво стонала, будто спрашивая — «мне правда приятно?»

— Правда, — отвечал Егор. Он вылизал ей клитор, заставив удивленную Тасю пускать пузыри, и потом целовал ей соски и ласкал рукой между ног, проникая пальцами вовнутрь, пока Тася не стала рыхлой и податливой, как тесто. Всунув в нее два пальца, Егор поднажал, и вскоре Тася пицала, как котенок, выгнув мостиком дрожащее тело.

Остальное было делом трех минут. Егор сразу натянул ее своей колбасой и, пока Тася не успела понять, что произошло, налег в резком ритме на сочное тело. Ему удалось поймать хвостик ее оргазма, и через полминуты малиновая Тася корчилась, как на вертеле, и выла то ли от боли, то ли от похоти, то ли от того и другого сразу.

Конечно, Егор не отказал себе в удовольствии пропитать ее семенем, впрыскивая сладкие фонтанчики глубоко во влажную плоть. Он оплодотворял ее и урчал от радости, как голодный зверь, глотающий больше куски мяса, и потом рухнул на обалдевшую Тасю. Она была такой ароматной, такой пухлой и мягкой, и опустошенный член так вкусно плавал в ней, что Егор поддался сладкой волне и унесся в марево сна, облепившего мозг, как сгущенка...

Проснувшись, он обнаружил странную вещь.

Тело, прижатое к нему, уже не было Тасей, девчонкой, которую он нагло затащил в постель и трахнул в свое удовольствие.

Оно было его телом. Егор дышал с ним одним дыханием и чувствовал одними нервами. При одной мысли, что рано или поздно придется разлепиться, ему было не по себе. Казалось — если он оторвется от нее, будет больно, и на коже останутся раны.

Существо прекрасно знало это и пронизывало Егора ответными токами, прижимаясь к нему всем телом, клетка к клетке. Немало изумившись этому, Егор сгреб Тасю и привлек к себе. Она долго, долго сплеталась с ним языком, обжигающим, как живой огонек, пока Егор не обнаружил, что вдавливается глубоко в ее бедра, и вот-вот кончит, впрыснув туда двойную порцию. Этого нельзя было допустить, и он честно пытался выйти, но не смог — Тася всосала его в себя, и он ухнул в нее, как падают во сне в бездну, и там окутался ею, захлебываясь в слепящей радости...

Это было больше, гораздо больше, чем просто секс.

Оба они понимали это, и Егор не знал, что делать, потому что все вопросы остались с вечера. Утро, светлевшее за занавеской, не отменило их.

— Ты тоже проспала всю ночь? — спросил он, уткнувшись в ее шею.

— Да. Я еще никогда так не спала, — отозвался голос, хриплый и густой, как мед.

«И я», хотел сказать Егор, но не сказал.

— Холостяцкая жизнь, сама понимаешь, — оправдывался он, глядя, как Тася скептически смотрит на гору мусора, выпавшего из тумбы вчера, когда они случайно толкнули ее.

— По-моему, тебе нужна хозяйка. Как насчет? — говорила она, прыгая в одной штанине. — Я нагло предлагаюсь, если ты не понял... Эй! Ау!

Егор, не отрываясь, смотрел на пол.

— Тебя что, так поразила эта идея, да?

— Зачем ты ездила вчера в институт? — медленно спросил он.

— В какой институт? — спросила Тася, покраснев до ушей.

— Как хорошо, что ты не умеешь врать! — Егор обнял полуодетую Тасю. — Как же это замечательно и расчудесно... А теперь рассказывай.

— Как ты узнал?

— Сама догадайся.

— Ээээ... на моих подошвах... хотя нет, причем тут... Тебе кто-то сказал... но нет, ты же только сейчас... Ээээ... Неужели опять кошачья шерсть?

— Не просто, — сказал Егор. — Не просто, а на мусоре. А не вперемишку с мусором. Только сейчас я понял, что ты была там после ограбления, а не во время. А теперь представь, что я должен был думать.

— Ээээ... нууу...

— Не экай и не нукай, а рассказывай, зачем тебя туда понесло.

— Нууу... ты меня прогнал тогда, а мне же было так интересно! Я и решила: раз ты такой бяка — поеду и сама все расследую. Пока вы по пробкам кисли, я на метро доехала и вас обогнала.

— Как ты узнала, куда ехать?

— А в машине, если помнишь, навигатор был. Пока ты там устраивался, я успела быстренько глянуть...

— Откуда узнала, о чем речь?

— Ну, я услышала обрывок вашего разговора — о какой-то там краже... И потом, когда увидела, что это институт, подумала, что должен быть какой-то ценный прибор...

— Как тебя впустили?

— Я сказала, что я из детективного агентства «НЮХ». Меня сразу пропустили и отвели в ту лабораторию. Они, видно, знали, что кто-то должен приехать из агентства, но не знали, кто именно.

— Так... — Егор замолчал, пристально глядя на Тасю. Та снова стала краснеть. — Так. А теперь показывай, что ты стащила

— Я?..

— Ну, не я же.

— Не брала я этот прибор!

— Знаю. Показывай, что брала.

Пару секунд Тася хмурила брови, но потом фыркнула и полезла в карман.

Это был кулек с завернутым в него металлическим предметом.

— Таааак... — Егор взял кулек и посмотрел на него. — Ключ с брелком... Отпечатков наоставляла, конечно?

— Нет, прямо так кульком и взяла. Подумала, что его, наверно, выронил преступник. Было сесть у двери. Но кто ж знал!...» Выхода не было.

Ласково улыбнувшись Григорию Игнатовичу, Егор вдруг вскинулся в воздух, как пружина, и

сбил его с ног.

Пока тот хрипел на полу, Егор успел достать пистолет.

— Я хотел поговорить с вами о котах, — сказал он. — У вас есть домашний любимец, да? Скорей всего, перс.

— Какого черта?..

— Сейчас мы с вами поедem, Григорий Игнатович, к ней. К Тасе.

— К какой такой Тасе?

— Вот к такой, — Егор схватил его за шиворот и ткнул пистолет в рот. — Понял? А теперь вставай, и пошли.

Они ехали долго, попав в тянучку. Побуревший Григорий молчал. Егор не сводил с него ствола, спрятанного под пиджаком. Когда они сели в машину, он потребовал:

— Адрес.

— Какой еще адрес?

— Адрес быстро! Убью!!! — заорал Егор.

— Героев Перекопа, 32...

Егор достал телефон.

— Алле? Саня? Это Егор, который сыщик. Есть новости по вашему делу. Срочно приезжайте на улицу Героев Перекопа, 32. Как можно быстрее. Вам знаком этот адрес? Что? Особняк вашего шефа? Ясно. Да, думаю, дело раскрыто. И Пашу с собой прихватите. Когда будете? Через десять минут? Ждите меня, не входя в дом. Если оттуда кто выйдет — постарайтесь незаметно сфоткать.

Приехав, Егор прошел в дом вместе в Григорием Игнатовичем, нежно удерживая его под ручку. Следом за ними шли недоумевающие Саня с Пашей.

— Кто-то выходил отсюда? — спросил Егор.

— Да. Мы сняли их на видео.

— Девушку выводили?

— Нет.

— Где она? — спросил Егор у Григория Игнатовича.

— Не знаю. Ее привезли, и...

— И... — Егор больно ткнул стволом между ребер Григорию Игнатовичу. Тот засопел и развернулся:

— Сюда.

Они спустились в какой-то подвал.

Войдя за ним в очередные двери, Егор увидел стол, и на нем — перебинтованное тело.

Увидел и застыл.

Потом стиснул зубы, глубоко вдохнул, выдохнул и снова вдохнул, усилием воли пытаясь выдавить ватный туман из мозга.

Григорий Игнатович дернулся. Давней, годами отработанной привычкой Егор сбил его с ног.

— Где эта твоя штукovina? — крикнул он, не сводя с него ствола.

Ватный туман выворачивал тело наизнанку, и Егор до боли закусил губу.

— Не знаю... Это не я... Я не знал, что они с ней сделали...

— Где штукovina? — заорал Егор и выстрелил ему в ногу. Саня с Пашей, бледные, как стена, стали пятиться к выходу. — Ни с места! Стрелять буду! — продолжал орать Егор, криком отгоняя ватный туман, вползавший в него, как отравa. — Где оно?

Конечно, сама по себе это не улика — мало ли в Москве котов, даже одинаковой масти. Но дело не только в этом.

— А в чем еще?

— Когда тебя похитили, я все думал, кто же это мог быть. Это мог быть только тот, кто знал, что ты тоже расследуешь это дело. Что ты со мной заодно. Что ты моя девушка. Кто-то из института... Когда этот урод пришел ко мне в «НЮХ», и я увидел у него на одежде кошачью шерсть, меня вдруг осенило: а ведь он видел нас с тобой. Помнишь — тогда, у «НЮХа»? Я говорил с тобой, потом сел к нему в машину, а он все видел. Конечно, это было только предположение, но... У меня есть принцип: каждое совпадение вначале рассматриваем как закономерность. Исключения и случайности бывают редко, и вначале нужно все проверить. Ты сама говорила, помнишь?... Так вот. По его реакции я увидел, что я прав. Он усек, как я смотрю на него, решил, что я его подозреваю, испугался и выдал себя. Когда я поймал его взгляд, я уже ни в чем не сомневался.

— Подожди, — сказала Тася. — Ты говоришь — «вчера». Это же было сегодня! Сегодня мы встретились у «НЮХа», познакомились... Потом я рванула в этот институт, чтобы утереть тебе нос... Зашла туда... и больше ничего не помню. Откуда ты знаешь, что мы вместе расследуем это дело? Почему ты говоришь, что я твоя девушка?

«Таак... Видно, точка восстановления — вчерашние 11 или 12 часов дня, — думал Егор. — Какое счастье, что эта штука стирает память».

— Это было вчера, — мягко говорил он, поглаживая ее по голове. — От шока ты все забыла. После этого мы провели бурную ночь, ликвидировали твою девственность и признались друг другу в вечной любви до гроба. Неужели не помнишь?

— Нет. Не помню...

— Не страшно. Главное, что я все помню. Сегодня утром бандиты, работавшие на этого уroda, похитили тебя, привезли к нему, и там... Впрочем, не будем о грустном. Скажи-ка лучше: ты ведь не впервые у него?

— Нет, — говорила Тася, глядя на Егора во все глаза. — Его дочка училась со мной на одном курсе.

— Так. Не его ли кот шерсть была на твоих брюках?

— Его.

— Ага. Видишь — мой принцип работает, как швейцарские часы. И что ты забыла у него дома позавчера вечером?

— Да так... — бормотала Тася. — Оляк давно уехала, а я просто зашла по старой памяти... Ничего особенного, честно! Ну... ну... вы же знаете — бывают такие ситуации, когда не знаешь, как оно все повернется, и...

— Знаю, — сказал Егор. — Знаешь, что я думаю?

— Что?

— Это, конечно, предположение, но... Я думаю, что и детективное агентство «НЮХ» связано с нашим героем. Думаю, оно придумано специально для этой аферы с прибором. Он, видно, решил продать его кому-нибудь за бугор, а до того немножко поэкспериментировать в свое удовольствие. Проверить на людях...

Тася молча слушала его, краснея до ушей.

— Надо будет побеседовать с Любовью Феокистовной... Думаю, что и Н. Ю. Халявко — никто иной, как наш герой... Ты чего? Что случилось?

— Ни... чего... Все... хорошо... — хрипела Тася сквозь кашель.

Вечером Егор явился в «НЮХ», чтобы поговорить с Любовью Феокистовной по душам. Но та опередила его:

— Проходите, Егор Дмитриевич. Вас ждет шеф.

— Шеф? — переспросил Егор.

Такого оборота он не ожидал.

— Шеф.

— Н. Ю. Халявко?

— Н. Ю. Халявко. Проходите.

Он вошел в кабинет...

— Тааак, — сказал знакомый голос. — А вы опаздываете, между прочим, Егор Дмитриевич! Я вас уже десять минут с фотиком караулю, чтобы запечатлеть ваш открытый рот...

— Подожди, — сказал Егор, когда прокашлялся. — Что ты здесь делаешь?

— Вообще-то это мой кабинет, — сказала Тася. Егор с трудом узнал ее: она густо накрасилась и сразу стала эффектно-красивой, как витрина. — Я — твой начальник, между прочим.

— Подожди, — медленно сказал он. — Ты хочешь сказать, что Н. Ю. Халявко — это ты?

— Ну да. Наталья Юрьевна. Сокращенно Тася.

— А... что за хрень вообще? Кандидат юридических наук?..

— Ну да.

— Такого не бывает. Сколько тебе лет?

— Двадцать два. Вообще-то ты прав — не бывает. Твой принцип всегда работал, как швейцарские часы, Егор Дмитриевич. Но здесь он дал одну-единственную осечку, и ты в этом не виноват. Просто я — то самое исключение. Я была вундеркиндом, довольно известным, кстати, под своей старой фамилией — Пономарева. Потом я поменяла фамилию на мамину... В двадцать я окончила юрфак, в двадцать один защитила диссер... Ты был так свято уверен в своем принципе, что даже ничего не заподозрил, когда я здесь, у «НЮХа» процитировала тебе его слово в слово так, как он сформулирован в твоём собственном блоге...

У Егора был такой обалдевший вид, что Тасе стало его жалко. Она встала, поцеловала его в лоб и продолжила:

— Во всем остальном ты был совершенно прав. Идею про «НЮХ» мне подал Григорий Игнатьич. Я быстро поняла, что за этим стоит какая-то афера, и хотела сама все раскопать. Вначале меня насторожило, что он предложил твою кандидатуру. Я решила проверить тебя, но ты оказался чист, как ребенок. Это было забавно — как мы с тобой друг друга проверяли...

Разумеется, Григорий Игнатьич ничего не сказал мне про прибор. Он попросил меня о помощи: мол, у них слабая система безопасности, но не хватает финансирования и, чтобы раскачать верха на дотации, надо инсценировать попытку ограбления. Мол, нас уже грабят, а вам хоть бы хны. Зная мой интерес к криминалистике, он подал эту идею — создать свое детективное агентство. Он помог деньгами, а взамен просил только, чтобы сыщик из моего агентства расследовал его ограбление вместо полиции. Ментов он не хотел привлекать, чтобы избежать огласки. На роль сыщика он предложил тебя — отставной мент, который разосрался со всем мыслимым и немыслимым начальством. Так он отрекомендовал тебя.

Я понятия не имела, чем он занимается в своем институте, но дело с самого начала пахло керосином. Вначале я думала, что все концы сводятся на тебе, но быстро поняла, что это не

так. Тогда я решила сама разобраться во всем. И, думаю, разобралась, вот только ничего не помню, такая досада... Во мне тот день обрывается на моменте, когда я подхожу к институту. Потом пустота, и сразу — ты с пистолетом, будто я заснула и проснулась. Забавная штука — амнезия...

— Уж куда забавнее, — сказал Егор, глядя в потолок.

— Когда он похитил меня... дело было не только в изнасиловании, да? Какой ему хрен просто так насиловать меня? Не сходится. Это было как-то связано с... с какими-то секретными заморочками его института, да? Что со мной делали? Почему у меня пропала память?

— Конечно, не только, — сказал Егор. — Просто ты полностью его разоблачила, и он хотел тебя тю-тю. А перед этим повеселиться. Вот и все. А память у тебя пропала потому, что ты впечатлительная. Быть порноактрисой совсем не так весело, как кажется.

— А что я разоблачила? Что именно?

— Откуда я знаю? Я же всего-навсего Шерлок Холмс. Куда мне до моего Ватсона!..

Тася подошла к нему и крепко обняла.

— Я не помню, как мы переспали, как признались и все такое... но я чувствую, что так и было. Я уверена в этом. Настолько уверена, что хочу еще. Видишь, я нагло предлагаюсь тебе.

Рассказать кому — не поверят...

— Прямо здесь? — спросил Егор, расстегивая ей блузку.

— Ну... эээ...

Через пять минут она корчилась под напором Егора, который неистово насел на нее прямо на полу:

— Вот тебе! Вот тебе!... — хрипел он. — Всех сделала, да?... Самая умная, да?... Вот тебе!..

— Иииии!... — пищала Тася, закатывая глаза.

Ей было больно, но она ничего не говорила Егору. Тот так и не знал, что лишает ее девственности во второй раз.